

ЭТИЧЕСКИЕ ДЕЛЕГАТЫ ЭПОХИ НОВОГО КАПИТАЛИЗМА: АПОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

*Щукин Денис Андреевич**

Кафедра этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург 199034, Россия

Электронный адрес: denis_shchukin@mail.ru

Статья подана 20.11.2014

Аннотация — В статье раскрывается значение профессиональных этических институций как одного из ключевых элементов системы функционирования современной социальности. Профессиональная этика рассматривается сквозь призму концепции Энтони Гидденса. Описание взаимосвязи генерализованного доверия, рефлексивности и риска позволяет сделать вывод о том, что этическая институция является механизмом перераспределения ответственности субъекта. Этический кодекс подобен описываемому Б.Латуром «нечеловеку», механическому делегату, который способен эффективно выполнять ряд человеческих обязанностей. Делегаты обеспечивают единство пространства коммуникации, но вместе с тем обеспечивают системе символический люфт. Усиление роли этических делегатов — «нечеловек» или этических институций — явилось защитной реакцией капитализма на угрозу собственного разрушения. Новый капитализм, сформировавшийся во второй половине XIX в., декларировал своей целью переход от освободительной политики к жизненной политике, возвращающей мораль на сторону человеческого субъекта. Однако это возвращение оказалось опосредованным, будучи сведено к расширению ответственности этических делегатов.

Ключевые слова: профессиональная этика, капитализм, теория коммуникации, этический делегат.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 12-03-00505

* © *Щукин Д. А.* — кандидат философских наук, ассистент кафедры этики, Санкт-Петербургский государственный университет.

ETHICAL DELEGATES OF THE NEW CAPITALIST EPOCH: THE APOLOGY OF PROFESSIONAL ETHICS

*Shchukin Denis Andreevitch**

Department of Ethics, St. Petersburg State University,
Mendeleevskaya Liniya 5, St. Petersburg 199034, Russia

e-mail: denis_shchukin@mail.ru

Received November 20, 2014

Abstract — The main goal of the article is to analyze the role of professional ethical institutions as key elements of the modern sociality. Professional ethics is elaborated with the help of the theory created by Anthony Giddens. Parsing the relations between such concepts as generalized trust, reflexivity and risk gives an opportunity to make a conclusion that ethical institution is a mechanism for the redistribution of subject responsibilities. The substance of every ethical code is similar to the essence of the «non-human», described by Bruno Latour as a mechanical delegate which is able to carry out a number of human responsibilities. These delegates maintain the unity of communication space, but at the same time they provide social system with some sort of symbolic backlash. Strengthening the role of ethical delegates — «non-humans» or ethical institutions — has been a defensive reaction to the threat of capitalism's own destruction. New capitalism that emerged in the second half of the XIX century declared as its aim the transition from the liberation politics to the politics of life and returning the morality to the side of the human subject. However, this return has been reduced to the expansion of ethical delegate's responsibility.

Key words: professional ethics, capitalism, communication theory, ethical delegate.

The paper was funded by RSFH grant № 12-03-00505

* © *Shchukin D. A.* — PhD, Assistant professor, Department of Ethics, St. Petersburg State University.

Профессиональная этика занимает особое место в системе функционирования современной социальности. Специфика профессиональной этики связана с ее прагматической составляющей, обеспечивающей системе необходимый потенциал доверия, который, в свою очередь, приводит к универсализации общественного пространства и возможности использования общих финансовых и социальных инструментов. Чтобы в полной мере понять логику развития символических систем, которая привела к формированию профессиональных этических институций, и проанализировать их актуальный функционал, следует обратиться к теории структуризации и социального порядка, разрабатываемой Энтони Гидденсом (Гидденс 2003, 2004, 2011).

Дистанциация во времени и пространстве, потеря их непосредственной взаимосвязи друг с другом, вызванная ростом технических и технологических возможностей человека, приводит к тому, что социальные контакты локального сообщества в данный конкретный момент времени в меньшей степени, чем раньше, ограничены в пространственном смысле. Особенностью традиционной модели коммуникации выступал ее локализованный характер, существование «здесь и сейчас», в границах визуальной доступности. Исчезая из поля зрения субъекта, коммуникационная цепь не должна прерываться, становится дискретной, обязана обретать непрерывность, что становится возможным благодаря конструируемым предположениям, подкрепляемым информацией, опытом и верой, — воображаемой перспективе.

Дискретность «машины зрения», доверия тому, что видишь непосредственно, компенсируется гарантиями иного рода. Более того, в период визуальной вариативности, когда зрение непрерывно подводит субъекта, именно уверенность в общих коммуникативных принципах позволяет субъектам сохранять социальный контакт. Благодаря символической универсализации происходит высвобождение социальной действительности из-под власти локального контекста.

Гидденс описывает два типа механизмов высвобождения, основанных на доверии и, в свою очередь, выступающих в качестве основания последнего. Требуемый уровень доверия поддерживают символические знаковые и экспертные системы. И те, и другие гарантируют ценностно-нормативную всеобщность социальных практик. Символические знаковые системы, одной из ярких примеров которых является международная денежная система, связаны с формальной унификацией методов измерения, в то время как экспертные системы менее однозначны. Именно ко второму типу механизмов высвобождения могут быть причислены профессиональные этические кодексы, комитеты и иные институции. Наличие этического гаранта действий профессиональной группы обеспечивает одновременно внутреннюю легитимацию ее ценностей и внешнюю легитимацию ее функций, прав и обязанностей относительно других дискурсивных сообществ. Подобный этический гарант играет исключительную роль как сцепной механизм двух основных типов доверия — безличного доверия по отношению к основным символическим принципам и личного доверия по отношению к людям, следующим этим принципам. Вопросы этического возникают в «точке доступа», на границе, где частное встречается с абстрактным, где эксперт сталкивается с универсальным принципом, который может быть им реорганизован или переоценен: «Точки доступа являются точками связи между обычными людьми или коллективами и представителями абстрактных систем. Они являются слабыми местами абстрактных систем, но в то же само время — узловыми точками, в которых доверие может быть сохранено и создано» (Гидденс 2011: 218).

Принципиальный вопрос о возможности замены этического знания правовым решается с помощью введения понятия «рефлексивности». Рефлексивность Гидденса не имеет ничего общего с рационализмом М. Вебера и других теоретиков конца XIX — начала XX в. Если для них рефлексия и рациональность совпадали в смысле непрерывного совершенствования системы, реализуемого благодаря накоплению истинного знания, то рефлексивность Гидденса есть самореферентный процесс постоянного пересмотра конвенциональных соглашений. Рефлексивность вносит в собственное функционирование ошибки, которые впоследствии решаются рефлексивными же средствами. Равно как и доверие, ошибки локализованы как на уровне абстрактного принципа, так на уровне операторов системы, существующих на границе личного и безличного. Рефлексивность противоположна достоверности, и это ее ключевое свойство разворачивается в пространстве риска.

Воображаемая перспектива отсылает к необходимости оценки риска. Понятие «риск» актуально для общества современности и не существовало в традиционном символическом поле, ориентированном не на будущее, а на прошлое. Данный концепт сочетает в себе три ключевых характеристики: динамизм, релятивность, вероятностный характер. Риск абсолютно динамичен и сфокусирован на постоянной переоценке конвенциональных отношений, что соответствует логике рефлексивности. Рефлексивность риска проявляется в его ситуативном срезе, определяемом контекстом и не дающим возможность вне контекста сформулировать какой-либо универсальный принцип. Что не менее важно, подобное описание актуально и для моральной дилеммы, занимающей по отношению к профессиональной этической институции то же место, которое занимает риск по отношению к структуре временной социальности.

Никлас Луман пишет, что риск принципиально не диагностируется с точки зрения рационального поведения индивида, а само понятие используется лишь в случае, когда «может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба»

(Luhman 1991: 25). Моральная дилемма так же дерационализована и представляет собой столкновение дискурсивных практик или разрыв в дискурсе. Несмотря на стремление отыскать единственное логичное решение дилеммы, субъект не может избежать влияния ситуативной перцепции, а результат этого поиска предполагает определенные этические издержки.

В этой точке рассуждений происходит концептуализация одного из принципиальных парадоксов современности: современность использует рефлексивность, порождающую ошибку, для преодоления ошибки при помощи технологии, которая, в свою очередь порождает саму современность.

Технология создает инструменты для устранения системных сбоев, превращаясь в своеобразный этический гарант. Профессиональный этический кодекс гарантирует определенный уровень дискурсивного доверия, реализуя проекцию возможных последствий нарушения, а технология выступает в качестве средства этической профилактики. На первый взгляд, в случае с технологией, сцепка личного и безличного более не является необходимой, так как этической предписание в большинстве случаев не может не быть исполнено, однако этот тезис нуждается в дополнительной проверке.

Бруно Латур в работе «Где недостающая масса? Социология одной двери» на примере неработающего дверного доводчика описывает систему функционального делегирования, когда доводчик предстает «нечеловеком», выполняющим функции портье куда более экономично и эффективно, чем живой человек (Латур 2006). Людям, входящим и выходящим из Палаты кож в Париже, больше не приходится задумываться о необходимости закрывать за собой дверь. Современность окружает субъекта механическими делегатами, следящими за ним и не дающими ему оступиться.

«Нечеловек», обладающий этическим зарядом, становится иллюстрацией тезиса о подвижности границ этического пространства, которое может включать или исключать агентов действия. Речь идет, в частности, о характерной для традиционного сознания гуманизации животных и явлений природы

или об обратном процессе, заключающемся в выведении всех живых существ, кроме человека, за границы поля действия моральных принципов в логике Нового времени.

Механизмам делегировано исполнение этических предписаний. Так, создание Environment-Friendly Technologies — огромный шаг на пути к этической автоматизации. Медицинское оборудование или авиатехника снабжается дополнительными средствами, контролирующими действия специалиста. «Нечеловеки» осуществляют страховку субъекта и берут на себя часть ответственности в случае человеческого просчета: «Знание, мораль, профессиональное мастерство, принуждение, общительность являются качеством не людей, но людей, сопровождаемых целой свитой делегированных персонажей. Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, это означает, что изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание нечеловеков» (Латур 2006: 221).

Механизм работает эффективней человека, а доверие к нему значительно выше, чем к последнему. Возвращаясь к проблеме воображаемой перспективы, механизм гораздо более предсказуем, чем человек, и, если предположить в духе Д. Юма, что этическая эссенция заключена в оправдании ожиданий, то именно механизму следует приписать максимальную этическую нагруженность.

Страхование ответственности возвращает к логике функционирования институтов профессиональной этики и позволяет расширить понимание понятия «технология», включив в него помимо описанных «нечеловеков» целые ценностно-нормативные системы. Радикальная дифференциация механизма и этической институции оказывается ложной. Безусловно, передача полномочий механизму является более очевидным примером этического делегирования, однако профессиональная этика заключается в том, что любая этическая институция — комитет или кодекс — также играет роль этического делегата. Профессиональная этика — это пространство перераспределения ответственности, специфика которой связана с механизмом труда, который в большей

степени, чем другие типы социальных отношений, реализует стратегии эффективности.

Делегат, будучи вынесен за пределы субъекта, обеспечивает единство пространства коммуникации. «Нечеловек» конвенционален, обезличен, отсылает к абстрактным принципам и становится функциональным заменителем частного. Так и в случае нарушения профессиональной этики специалист отвечает не непосредственно перед пострадавшим, а перед этическим комитетом, реализующим коллективную волю.

Весьма примечательна ироническая надпись, упомянутая Латуром, размещенная на двери с неработающим доводчиком: «Доводчик бастует, ради Бога, закрывайте двери». Обращение к Богу в данной ситуации выглядит симптоматически. В связи с изменением уровня этической нагруженности субъекта в современной социальной структуре функционируют две работающих системы предписаний — нечеловеческая система механических делегатов и сверхчеловеческая, отсылающая к казалась бы утерянному в секулярном мире Абсолюту. Этическая институция, в этой связи, выглядит как сочетание принципов нечеловеческого и сверхчеловеческого, когда авторитет Слова совмещается с прагматикой механизма.

Вместе с тем абсолютизация роли «нечеловеков» и «сверхчеловеков» невозможна по нескольким причинам. Во-первых, делегат может исполнять свою функцию лишь в том случае, если присутствует действующий субъект. При критическом осмыслении становится очевидным, что граница между субъектом и делегатом условна. Механизм достраивает собой структуру субъективности, включается в нее в качестве элемента в логике *outsourcing*. Во-вторых, субъект может обойти предписание делегата. Искусственные препятствия на дороге служат целью контролировать скоростной режим, однако водитель может пренебречь собственной безопасностью и при их пересечении. Таким образом, делегирование не является результатом вырождения социальной системы, может предстать в различных формах и, наконец, связано еще с двумя концептами, затягивающими в единый узел

понятия профессиональной этики, воображаемой перспективы и рефлексивности.

Анализируя ключевые характеристики грядущего символического кризиса капитализма, Гидденс описывает необходимость перехода от освободительной политики к политике жизненной. Первая создала свободные сообщества субъективной автономии, но поставила в основание властной системы дисциплину и надзор. Вторая должна вернуть институционально репрессированные вопросы морали в поле субъективности. Однако отсылающее к Фромму классическое противопоставление авторитарной и гуманистической этики, читающейся между строк в терминах Гидденса, оказывается в ситуации с делегатами не слишком действенным, так как делегат не представляет собой внешний действующий авторитет по отношению к субъекту, а дисциплинарная этическая институция не является исковерканной версией истинной морали.

В рамках капитализма ценность и преимущества свободы могут быть оценены лишь в том случае, если есть опыт несвободы. Капитализм, по мнению Шумпетера, как проявление свободной и независимой воли предпринимателей уничтожает эту свободную волю, безжалостно систематизируя социальное пространство, однако, как показывает история, этот процесс не ведет к тотальному уничтожению капитализма (Шумпетер 1995). Именно дисциплинарное общество, сочетающее социальную дрессуру с плюрализмом жизненных сценариев, обеспечивает необходимый уровень коммуникативного доверия, базирующегося на этических институциях. В свою очередь, делегитимация делегатов как переводчиков-специалистов в сфере универсального этического языка сопряжена с ростом социального недоверия.

Эксплуатация этических делегатов — «нечеловеков» или этических институций — защитная реакция капитализма на угрозу собственного разрушения. Безусловно, существование делегатов не может быть ограничено предикатами одной временной или социально-экономической формации, однако именно институты капитализма и либеральной

демократии научились максимально эффективно использовать механизм переноса ответственности и внедрения гарантий. В этой связи, подвергнув сомнению гиденсовский «деконтинуизм» и антиисторизм, необходимо отметить конъюнктурный характер функционирования современности. С точки зрения Болтански и Кьяпелло, залог оглушительного успеха капитализма заключен в его слабости (Болтански 2011). Капитализм как экономическая система не может существовать без идеологической подпитки, что подтверждается фактом поддержки его господства мощнейшей машиной идеологической легитимизации.

Идеологический остов экономической системы наделил капитализм особым духом, столь детально исследованным Вебером, в который позднее были органически интернализованы и концепция рефлексивности, и идея этического страхования, и вся совокупность прикладных и профессиональных этик. Дух нового капитализма возник из двухсторонней — художественной и социальной — критики старого капитализма. Ограничение свободы и уничтожение настоящих ценностей под гнетом властного гегемона, воплощенного в богатстве, ставилось в упрек капитализму идеологами студенческих волнений 60-х годов, а рабочее движение обвиняло его в социальной несправедливости и усугублении классового раскола: «Трансформации капитализма, а также сопровождающие их изменения в самых обычных механизмах социальной жизни привели к тому, что критика на какое-то время оказалась обезоруженной... Трансформации выливаются в создание нового мира, где эти критические силы уже не могут играть прежней роли: это очевидно как в когнитивном порядке, поскольку они уже не в состоянии его интерпретировать, так и в практическом порядке, поскольку в них нет понимания, с какими же механизмами следует себя увязывать, чтобы как-то на него воздействовать» (Болтански 2011: 844).

Пройдя сквозь череду трансформаций, во второй половине XX в. освободительная политика сменилась видимостью перехода к жизненной политике, и именно символическая работа

этических делегатов обеспечила необходимый для поддержания этой видимости символический люфт: существование «нечеловека» ограничило возможности субъекта пусть и значительно, но неуловимо для него, а институализированная эксплуатация моральных дилемм гарантировала негативную свободу и формальный плюрализм жизненных альтернатив.

Литература

1. Болтански, Л., Кьяпелло, Э. (2011). *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение. 976 с.
2. Вирилио, П. (2004). *Машина зрения*. СПб.: Наука. 144 с.
3. Гидденс, Э. (2003). *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. 528 с.
4. Гидденс, Э. (2004). *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир. 120 с.
5. Гидденс, Э. (2011). *Последствия современности*. М.: Праксис. 352 с.
6. Латур, Б. (2006). «Где недостающая масса? Социология одной двери». В кн.: *Социология вещей*, под ред. В. С. Вахштайна: 199–223. М.: Территория будущего.
7. Шумпетер, Й. (1995). *Капитализм, Социализм и Демократия*. М.: Экономика. 540 с.
8. Luhmann N. (1991). *Soziologie des Risikos*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 252 p.

References

1. Boltanski, L. Chiapello, E. (2011). *Novyj duch kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 976 p.
2. Giddens, A. (2003). *Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. 528 p.
3. Giddens, A. (2004). *Uskolzayushhij mir. Kak globalizaciya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow: Ves' mir Publ. 120 p.

4. Giddens, A. (2011). *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Praxis Publ. 352 p.
5. Latour, B. (2006). «Gde nedostayushhaya massa? Sociologiya odnoj dveri» [Where are the Missing Masses? Sociology of a Door], in: Latur, B. *Sociologiya veshhej* [Sociology of Things]: 199–223. Moscow: Territoriya budushhego Publ.
6. Luhmann N. (1991). *Soziologie des Risikos*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 252 p.
7. Schumpeter, J. (1995). *Kapitalizm, Socializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika Publ. 540 p.
8. Virilio, P. (2004). *Mashina zreniya* [The Vision Machine]. Saint Petersburg: Nauka Publ. 144 p.